

ДЖАТАКА О МАХАБОДХИ

Даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности. Вот как об этом назидательно повествуется. Будучи Бодхисаттвой, Господь наш был странствующим монахом по имени Махабодхи. Еще в состоянии домохозяина он досконально изучил, последовательно и с великим напряжением, ценимые миром отрасли науки и удовлетворил свое любопытство к познанию различных искусств. Обратившись всем сердцем к отшельнической жизни, стараясь о благе мира, с особенным вниманием погрузившись в науки о святом законе, он достиг в них степени учителя. Вследствие приобретенной им святости, глубины его мудрости, знания людей и поразительного искусства в обхождении с людьми он был желанным и приятным гостем везде, куда бы он ни приходил, - и для ученых, и для царей, любящих ученых, и для брахманов-домохозяев, последователей других вероучений, и для странствующих монахов.

1. Людские добродетели сияют, на святые заслуги опираясь; от обходительности став приятными, они глубокое почтение вызывают даже у врагов, которым славу добрую беречь необходимо.

И вот Великосущный, проходя на благо миру деревни, города, поселки, царства и столицы, прибыл в область одного царя. Наслышавшись о великой силе его добродетелей, тот царь, узнав заранее о его приходе, с радостным сердцем велел построить в одном восхитительном месте своей увеселительной рощи для него жилище. Выразив свое почтение тем, что вышел ему навстречу и иными средствами, приняв его в своем царстве, он служил ему, словно ученик учителю, и внимательно слушал его.

2. В дом, богатства блеском озаренный, доверчиво вошедший гость добродетельный - великий праздник для того, кто любит добродетель!

Бодхисаттва же ежедневно выражал свою благосклонность к царю беседами о святом законе, радующими слух и сердце, постепенно наставляя его на путь спасения.

3. Ведь те, святой закон кто любит и к ближним состраданье чувствует, стремятся на добро направить мысли всех, даже любовь не проявивших; что ж говорить о человеке, подобном чистому сосуду, к добру стремящемуся и проникнутом глубоко добродетелью любви?

И министры того царя, пользовавшиеся приличествующим ученым уважением и окруженные почетом, потеряв рассудок из зависти к богатству добродетелей Бодхисаттвы, вызывавшему ежедневно возрастающее почтение к нему, не смогли вынести его славы.

4. Ведь муж чудесной силы, что привлекает мир к себе своей великой славой, из добродетелей его высоких исходящей, зажигает злобу в сердцах у тех, кто пользуется уваженьем лишь за искусство исполненья.

Совершенно неспособные победить Бодхисаттву открыто в диспутах и будучи не в состоянии вынести склонность царя к святому закону, эти люди стали шаг за шагом восстанавливать царя против Бодхисаттвы:

«Не следует государю подходить с доверием к атому странствующему монаху Боддхи. Так как всем известно о любви государя к добродетели и приверженности его к святому закону, он, несомненно, послан искусным соглядатаем какого-нибудь противника царя и явился, чтоб разузнать о делах государя и мягкими, коварно сладкими речами привести его к гибели. И вот, под видом праведности, он наставляет государя единственно лишь на дела сострадания, развивает в нем уныние стыдливости и побуждает к принятию обетов, противных полезному и приятному¹, несовместимых с делом властителя, ведущих к безумным поступкам; якобы из милосердия он под видом увещаний внушает тебе взгляды, которым ты должен следовать; он

любит водить знакомство с послами других царей; ему неизвестны правила поведения, изложенные в книгах для царей. Поэтому наши сердца исполнены теперь великих опасений».

Снова и снова обращались многие советники к царю с такими, якобы добрыми, речами, стремясь разъединить их, и расположение царя к Бодхисаттве ослабло, от недоверия уменьшилось проявление его любви и уважения к нему.

5. Когда гремят ревущие удары грома или злословья грозовые стрелы, спокойным и доверчивым кто может оставаться и истинную твердость мужа сохранить, ни в чем душой не изменившись?

И царь, от утраты доверия ослабивший свою любовь и уважение к Великосущному, уже не так, как прежде, стремился к проявлению своего внимания к нему. Бодхисаттва же по чистоте своей сердечной думал: «У царей много дел» - и не замечал этой перемены. Но, заключив об охлаждении царя из уменьшения учтивости и сдержанности со стороны царских приближенных, он, взяв свой тройной посох², чашу и прочую утварь странствующего монаха, приготовился к уходу.

Услышав об этом, царь, повинувшись остатку любви и из благовоспитанности и учтивости придя к нему, в большом смущении, словно желая удержать его, обратился к нему со следующими словами:

6. «Ты так внезапно покидаешь нас; скажи же, почему к решению уйти склонился разум твой? Быть может, ты во мне заметил что-то, что породило ложные сомнения? Так знай, от упущения погрешность та возникла».

И Бодхисаттва сказал ему:

7. «Мое стремление уйти не беспричинно, но вызвано оно не оскорблением от обращения дурного; сосудом праведности перестал ты быть от криводушия; поэтому тебя я покидаю».

Тут подбежал с яростным лаем, широко раскрывая пасть, любимый пес царя; указывая на собаку, Бодхисаттва снова сказал:

«О великий царь, можно судить по этому животному:

8. Ведь прежде этот пес всегда ко мне ласкался в угоду господину своему; теперь же, не умея притворяться, твои все чувства выдает он лаем.

9. Должно быть, что-то обо мне услышав от тебя, жестокое и алое из-за отсутствия любви, он поступает так тебе на радость: зависимых существ то образ действий!»

И царь, услышав эти слова и от стыда опустив глаза, глубоко пораженный этой пронизательностью его разума, в смущении подумал, что теперь не к чему лицемерить и, поклонившись Бодхисаттве, сказал:

10. «Действительно, ты был предметом одной беседы, и дерзкие в моем совете говорились речи, а я, делами занятый, все это допустил; благоволи ж простить мне это и останься, прошу тебя, не уходи отсюда!»

Бодхисаттва сказал:

«О, совсем не вследствие обиды от дурного обхождения, великий царь, и не из злопамятства я ухожу, а потому, что теперь мне не время, о государь, здесь оставаться. Взгляни сам, государь:

11. Если почтение и уважение, утратив блеск, дошли до безразличья, то, не уйдя я сам из-за привязанности или вялости ума, могло бы и до того дойти, что в шею вытолкали бы меня отсюда.

12. При обстоятельствах таких уйти - вот надлежащий образ действий; и поэтому я уйду без пламени вражды в моей душе; пренебрежения удары ведь не изгладят в сердце праведных благодеяний прежних.

13. Но к жестокосердому никто не должен приближаться, как жаждущий воды к источнику сухому: усилий тут затратить нужно много, а польза будет и ничтожной и греховной!

14. Общения искать нам должно с кротким и спокойным, подобным озеру большому, наполненному осенью водою чистой; известный миру этот путь открыт тому, кто блага жаждет и отвращается от всех других страстей.

15. Кто отвернется даже от проявляющего преданность к нему, или опечален будет расположением своим к отвергнутому его, или забудет прежние благодеяния, тот, несмотря на облик человека, сомнение возбуждает - так ли это?

16. И непочтение, и чрезмерное почтение, и просьбы частые огнем сжигают дружбу; поэтому сберечь мне надлежит остаток нашей дружбы от разрушения моим здесь пребыванием, поэтому и уйду я».

Царь сказал:

«Если господин твердо решил уйти, то по крайней мере соизволит он снова нас осчастливить своим посещением: ведь и от пренебрежения нам должно охранять дружбу». Бодхисаттва сказал: «Со многими препятствиями, о великий царь, возникающими из-за многих несчастий, связано наше пребывание в этом мире; зная это, нельзя с уверенностью обещать, что я приду. Если для прибытия сюда будет основательная причина, я снова увижу господина». Утешив царя этими словами, Великосущный, с благопожеланиями и с великим почтением провожаемый царем, удалился из его царства. Этим общением с миром было смущено его сердце, и он, уединившись в некоей лесной местности и направив дух свой на созерцание, живя там, в короткое время достиг четырех степеней созерцания³ и пяти совершенных знаний⁴.

И меж тем как сам он наслаждался счастьем сладостного спокойствия, у него явилось воспоминание, соединенное с состраданием к тому царю, и он подумал: «Что происходит сейчас с тем царем?» И он увидел, как его советники влекут его к различным ложным воззрениям, которые исповедовали они сами.

Один советник примерами, в которых трудно постигнуть причину, склонял его к учению о беспричинности:

17. «Какая есть причина лепестков и стеблей лотосов, тычинок, чашечек расположенья и цвета их, строения, мягкости и прочих качеств? Или кто расцветивает крылья пернатых? Ведь без сомнения, таким же образом сам по себе мир этот существует».

Другой советник излагал царю приятное его слуху учение о верховном существе как первопричине:

18. «Нет, беспричинным быть не может это все! И надо всем есть некто бесконечный и единый, кто утверждением своей чудесной воли сей дивный мир творит и разрушает вновь!»

«Все это - и добро, и зло - следствие действий прежних; личные усилия ни к чему не ведут» - так обольщал его третий.

19. «Один как может произвести в одно и то же время разнообразную такую цепь вещей, а также и бесчисленных многообразнейших существ? Все это основанием имеет действия, содеянные прежде. Ведь даже и способный прилагать усилия для достижения блаженства в несчастье впадает!»

Четвертый, излагая воззрения об уничтожении всего после смерти, увлекал царя обратиться к наслаждению земными уладами:

20. «Как деревья куски, многообразные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют и все же существуют и как, погибнув раз, опять не возникают, так и сей мир; раз это так, то наслаждение главною должно быть целью нашей жизни!»

Пятый под видом воинской науки научал царя скверне жестокосердия, связанной лживостью житейской мудрости, противной праведности, утверждая, что это - закон царей:

21. «Царь! Пользуйся людьми, как будто это тень деревьев; стремись добиться доброй славы благодарности потоками до тех лишь пор, пока полезно пользоваться ими,- тому подобно, как при совершенье жертвы мы пользуемся жертвенным животным».

Таким образом, эти советники старались каждый вести царя неправым путем своих собственных лживых воззрений. И, увидев, что от общения с дурными людьми и от подчинения ума руководству других людей, которым он доверял, царь обратился лицом к пропасти, созданной этими воззрениями, Бодхисаттва, с сердцем, склонившимся к состраданию, стал думать о средстве вернуть царя на правильный путь.

22. От упражненья в добродетели у праведных благодеянь в сердце остается, а оскорбленье исчезает, как с лotosовых лепестков вода.

И Бодхисаттва, подумав: «Теперь как раз подходящее время!» - создал чудесною силою в своей пустынной хижине большую обезьяну и, сняв с нее шкуру, все остальное заставил исчезнуть. Надев шкуру созданной его чудесной силой большой обезьяны, он явился к дверям царского дворца. Когда о нем было доложено привратниками царю, он был проведен последовательно через помещения, близкие от входа, охранявшиеся вооруженной стражей и наполненные советниками, брахманами, воинами, вестниками и городскими старейшинами, и вошел в царскую палату, у дверей которой стояли стражи с мечами и палицами и в которой окруженный высокообразованными, мудрыми и знаменитыми, хорошо одетыми людьми восседал на троне царь. Царь пошел навстречу Бодхисаттве и почтил его выражением учтивости, как это надлежит делать при приеме гостя, и после взаимных приветствии Бодхисаттва занял предложенное ему место.

Царь, у которого пробудилось любопытство, спросил его о приобретении кожи обезьяны: «Кто принес эту шкуру обезьяны достопочтенному, тем самого себя одарив великой милостью?» Бодхисаттва сказал: «Сам я ее приобрел, великий царь, никто не подносил ее мне. Если сидеть или спать на земле, едва прикрытой редкою травой и жесткой по своей природе, то очень изнуряется тело и нелегко предаваться исполнению предписаний закона. И вот я увидел в пустыне эту большую обезьяну и у меня явилась мысль: «Вот подходящее средство для исполнения предписаний закона, шкура этой обезьяны!» Сидя или лежа на ней, можно, не желая даже и царского ложа, покрытого драгоценными покровами, предаваться исполнению предписания святого закона; с этой мыслью я убил обезьяну и снял с нее эту шкуру». Услышав это, царь по своей благовоспитанности и скромности ничего не ответил Бодхисаттве, только со стыдом в сердце несколько потупился. Советники же, и прежде питавшие в своих сердцах ненависть к Великосущному, теперь, когда представился удобный случаи высказаться, с расцветшими лицами взирая на царя и указывая на Бодхисаттву, сказали: «О, до какой степени ум мудрого находит

уладу в одной лишь любви к закону! О стойкость! О прекрасная способность решимости! Ведь чудо, что он один, истощенный подвижничеством, убил такую большую обезьяну, пришедшую в пустынь. Во всех отношениях да будет успешно его подвижничество!»

Без всякого негодования против них Бодхисаттва возразил на это:

«Не следует вам, друга, меня порицать и забывать о красоте своих учений. Ведь это не тот путь, каким мы можем снискать славу ученого. Посмотрите!

23. Других кто станет порицать свое ученье убивающею речью, поистине тот словно бы самоубийством другого обесславить хочет».

Таким образом, обратившись с упреком ко всем советникам вообще, Великосущный, желая выразить порицание каждому в отдельности, обратился к советнику, доказывавшему беспричинность всего, и сказал:

24. «"Сам по себе мир существует" - провозглашаешь громко ты; коль правда это, то зачем меня ты порицаешь?

Ведь от природы обезьяне смерть пришла. И грех откуда тут на мне? А посему я сделал правильно, убив ее.

25. Однако если все же на меня пал грех за убиение обезьяны, то ясно ведь, что есть причина этой смерти! Поэтому иль ты оставь о беспричинности учение свое, иль не высказывай здесь взгляды, которые тебе столь неуместны!

26. Ведь если лотосов окраска, их стебли и другие части беспричинны, то почему же появляются они не всюду и не всегда, скажи мне! Ведь их произвели вода и прочие начала; где есть они, является там лотос из семян, и не является он там, где этих нет начал.

Ты, о досточтимый, как следует об этом поразмысли!

27. "Причины нет!" - кто заявляет это громко и доказательства приводит для того, не разрушает ли он сам свое такое утверждение? А если приведенным доводам он пренебрег бы, то что могло бы следовать на одного лишь утверждения его?

28. Кто, в единичных случаях причины не найдя где-либо, провозглашает полное отсутствие причин, тот, яркую причину пред собой увидя, становится ее врагом и в споре начинает бранью поносить ее.

29. И если незаметна где-нибудь причина, то как с уверенностью скажешь ты, что нет ее совсем? Ведь существующее можем не увидеть мы и по другой причине, как на исходе дня не видим солнца яркий диск.

30. Конечно же, для наслаждения стремишься ты к желанным лишь предметам и пользоваться им противными не хочешь. И службу царскую ты исполняешь потому, но в то же время возглашаешь: "Нет причины!"

31. Итак - коль ты, о господин, повсюду видишь беспричинность - убита обезьяна без причины. Зачем тогда меня ты порицаешь?»

Так, посрамив этими ясными доводами приверженца воззрений о беспричинности всего, Великосущный, обратившись к советнику, видевшему причину всего в верховном существе, сказал:

«Досточтимый также не должен порицать нас! Ведь верховное существо мыслится тобою как причина всего. Смотри!

32. Ведь если все свершает существо верховное, то, несомненно, им убита эта обезьяна! Так почему ж ты так недружелюбен, что вину чужую валишь на меня?

33. И если обезьяны царственной убийство то существо верховное, проникшись состраданием, не совершило, зачем так громко провозглашаешь ты верховное то существо причиной всей вселенной?

И далее, ты мыслишь, о друг, что все сотворено "верховным существом"б.

34. Как можешь ты надеяться на существа верховного благоволение, от того что восхваляешь ты его и почитаешь: оно ведь самосуще и действует само через тебя.

35. И если свершена тобою жертва, то не оно ль ее свершитель? Кто силою своей великой что-либо совершает, тот ведь и есть свершитель!

36. И если преступленья все верховное то существо свершает, то во вниманье к какой же добродетели ты преданность к нему питаешь?

37. А если преступленья оно от беззакония боязни не свершает, то говорить не подобает нам, что все верховным существом сотворено!

38. Его владычество проистекает из законного вещей порядка иль из чего-нибудь другого; и если из законного вещей порядка, то существо верховное ведь ранее его и не могло существовать!

39. "Зависимостью" должно называться, когда другим что-либо создается; и если б это мы владычеством назвали, то нет у нас причины "владычество" кого угодно отрицать! Даже и теперь, от увлеченья преданностью не размышляя, что достойно и что недостойно,

40. Коль ты причиной существо верховное считаешь, владыку всей вселенной, никак не должен на меня ты возлагать ответственность за совершенное владыкой умерщвление той обезьяны царственной!»

Таким образом, Великосущный заставил словно онеметь своими прекрасными доводами приверженца того воззрения, что причиную всего является верховное существо, и, обратившись с прекрасным словом увещевания к приверженцу воззрения, что все совершается прежними делами, сказал:

«Господин также не блещет умом, порицая меня; ведь ты полагаешь, что все сделано прежними делами; поэтому я говорю тебе:

41. О, если все является лишь в силу сделанного прежде, то в этом случае без нарушения закона мной убита обезьяна. Она ведь сожжена огнем пожара тех поступков, что ранее свершила; где ж здесь моя вина? И почему меня ты порицаешь?

42. А если умерщвлением обезьяны грех я совершил, тогда я это сделал, а не прежние дела! И если вызывает действие одно им обусловленное действие другое, никто в сем мире освобожденья не достигнет никогда!

43. Когда бы счастьем наслаждался тот, кто жил в условиях, несчастье производящих, или в несчастье же впадал бы тот, кто жил в условиях, производящих счастье, то можно было бы с несомненностью считать, что счастья и несчастья единственная лишь причина - прежние дела.

44. Поскольку же не представляется нам в этом виде счастье и несчастье, то прежние деянья не являются единственною их причиной. А если бы новые деянья не свершались, причем же здесь все старые деянья? 7

45. И если прежними деяньями все сделано, и ты так продолжаешь мыслить, то почему же ты считаешь, что обезьяны умерщвлены; сам я совершил?»

Таким образом, как бы наложив на него безупречными доводами обет молчания, Великосущный, улыбнувшись, обратился к приверженцу воззрений о полном уничтожении всех вещей 8

«Как излишня та пылкость, с какой ты порицаешь нас, о досточтимый, если ты действительно придерживаешься воззрений о полном уничтожении всего.

46. Другого мира если никакого нет, зачем же ограничивать себя и размышлять о чистом и греховном? Пусть мудрый поступает как ему угодно. Раз так, убита обезьяна эта справедливо!

47. А если же людской молвы боязнь от нехорошего должна нас отвращать и направлять на путь благой, то поведением, своим речам противным, людской молвы нам все же не избегнуть.

48. Ведь счастья на пути ученья своего не достигаешь ты из опасения людей; и потому из всех бесплодных умозрений то заблужденье крайнее, глупца ничтожного достойное вполне.

Вот ты сказал:

49. "Как дерева куски, многообразные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют, хотя и существуют, и как, погибнув раз, уж вновь не возникают, так и сей мир,- раз так, то наслаждение главною должно быть целью нашей!"

50. Когда ученье об уничтожении полном тебе так любо, зачем тогда убийцу обезьяны или человека порицать?»

Таким образом Великосущный, рядом ясных и блестящих опровержений заставив приверженца воззрений о полном уничтожении искать убежища в молчании, обратился к советнику, изощренному в воинской науке:

«Ты, о господин, почему так порицаешь меня, если полагаешь, что должно действовать согласно наставлениям в житейской мудрости?

51. По этому ученью, способом любым - и добрым, и недобрым - возможно добывать себе богатство. И человек, подняв себя на высоту благодаря богатству, закон религиозный будет выполнять 9.

Поэтому тебе я говорю:

52. Если для личной выгоды должны мы пренебречь хорошим отношением к родне любимой даже - а эта обезьяна мной убита ради шкуры - какой упрек ты можешь сделать мне за поведение, предписанное даже книгами твоими?

53. А если следует нам действие такое порицать, страданье за собой влекущее, к тому же и за то, что совершили мы его без состраданья, то по какой причине ты не обращаешься к ученью, которым это дозволяется?

54. И если это проявлены: мудрости житейской, то что ж немудрости блужданья? И какова же наглость тех, кто, презирая мир, несправедливость проповедует, из книг закона исходя!

55. Раз недостойные дела такие предписаны столь ясным и понятным образом твоим ученьем, то я, путем, указанным твоими книгами, идущий, не должен осуждаться за убийство обезьяны».

Таким образом Великосущный, совершенно разбив первенствовавших в собрании и полных спеси советников и увидев, что он завоевал все собрание вместе с царем, для устранения сомнений, возникших в их сердце относительно умерщвления обезьяны, сказал царю: «Нет, конечно, о великий царь, не убивал я живой обезьяны. Это кожа обезьяны, созданной моей чудесною силою». И, видя царя, а вместе с ним и все собрание, в высшей степени умиленных сердцем, он сказал:

56. «Кто видящий, что из причин все вытекает, к тому ж свободно поступающий и знающий про мир другой, держащийся учений истинных и состраданием проникнутый живую тварь убьет?

Смотри, великий царь!

57. Того, что сделает для капли славы тот, кто беспричинность проповедует, или свободу воли отрицает, иль отрицает будущую жизнь, иль воинским воззреньям следует житейским, не сделает ведь никогда сторонник правых, истинных воззрений.

58. Воззрения, о лучший из людей,- хорошие или дурные - причиною являются и соответствующих действию. Воззрений согласованность имея в мыслях, из них те иль иные в речах или своих поступках люди проявляют.

59. Поэтому благим воззрениям мы следовать должны, оставь же ты источник бед - недобрые воззренья. Держаться надлежит того нам, кто следует добру согласного пути, от злых людей же нужно удаляться.

60. Не укротившие своих страстен, хотя носящие одежды укротивших, монахи по земле, как ракшасы, блуждают - то знаем мы. И губят эти ракшасы простой народ дурными взглядами своими, подобно змеям, что во взглядах яд содержат.

61. Сторонников воззрений беспричинности и прочих грубый вой, как вой шакала, обличает сущность их. Поэтому им следовать не должен мудрый, а должен он добра держаться, насколько хватит сил.

62. В сем мире тем, кто славой доброй обладает, не следует и ради дела дружбу заводить с людьми неправильных воззрений; ведь с зимним скверным днем соединившись, пострадала, свою утратив красоту, сама луна!

63. Поэтому, покинув тех, кто добродетели покинул, и почитая добродетель тех, кто почитать ее умеет, свою ты славу ярко разожги, разбив к грехам склонность в подданных и к добродетели приязнь создав.

64. И большинство народа твоего с тобой последует закону праведному; к прекрасной жизни обратившись, он стезей пойдет, ведущей к небесам. Сей мир нуждается в защите, а у тебя к сему стремление есть; и наслаждайся праведным законом, пути которого смиренность делает приятным.

65. Свое ты поведение очисти и славу обрети ты щедро подающего; приятным свой дух ты сделай к каждому, как бы к родному, и, соблюдая праведный закон, ты долго землю охраняй. Таким путем достигнешь ты блаженства, неба, славы!

66. Земли возделываньем занятых иль скотоводству отдающих силы, словно растения в цвету или покрытые плодами, охраняй: не защищая сельских жителей, платящих подати, со всеми странами враждует царь.

67. Когда земли властитель купцов не охраняет, что заняты покупкой и продажей различных товаров, а также

горожан, несущих пользу платой пошлин, тот этим вред своей казне приносит.

68. А если царь, по беззаботности своей, не почитает войско, не проявившее пороков в битве» а только доблесть, и славное искусством в деле ратном, то, без сомнения, победы счастье его покинет в битве.

69. И если царь идет путем, который осквернен, пренебрежением к благочестивым, к тем, кто обладает высокой нравственностью, ученостью и сверхъестественною силой, души величие являет, тот царь небесного блаженства не достигнет.

70. Как тот, кто с дерева срывает плод незрелый, тем убивает семя, а сока не находит, так, незаконные поборы собирая, свою страну царь губит и счастливым не бывает.

71. Напротив, подобно дереву, обильному прекрасными плодами, которое, когда они созреют, богатый урожай дает, страна, царем хранимая, благое и полезное, а также и приятное владыке своему доставит.

72. Советников надежных, умеющих служить тебе на пользу, друзей достойных и своих родных привязывай сердца приятной речью и ценными подарками, с почетом подносимыми.

73. И посему, закон ты почитая, неусыпно на достижение спасения народа все помыслы направь; и правосудием, свободным от пристрастия и вражды, народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни»¹⁰.

Таким образом, Великосущный, удалив царя с ложного пути, созданного неправильными воззрениями, и направив его вместе со всем собранием на путь благой, вслед за тем поднялся в воздух и при выражении глубокого почтения народа, благоговейно сложившего руки и смиренно склонившегося перед ним, возвратился в свою лесную обитель.

Таким образом, «даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности».

[«Помня об этом, не должно забывать то, что ранее было сделано причиняющим зло». Таким образом, владыка, не достигнув еще окончательного просветления, побеждая в воззрениях других, распространял правила доброй жизни среди живых тварей. Так должно говорить в рассказе о Будде. «Таким образом, ложные воззрения не могут устоять перед рассуждением вследствие отсутствия в них опоры; поэтому им не должно следовать» - так следует говорить при порицании ложных воззрений, а также при прославлении правильных воззрений.]

Примечания:

1 «...Противных полезному и приятному...-» - т. е. материальным интересам, богатству и удовольствиям.

2 Тройной посох (триданда) - посох из трех связанных вместе палок являлся принадлежностью странствующего аскета.

3 Четыре ступени созерцания в буддизме: первая дхьяна - радость и восторг, экстаз, порожденные уединением, сопровождаемые рассуждением и исследованием какого-нибудь одного объекта мысли, вторая дхьяна - радость и экстаз внутреннего спокойствия и глубокой умиротворенности, освободившиеся от рассуждения и исследования; третья дхьяна - освобождение от экстаза, чистая радость полного отсутствия всех страстей и привязанностей; четвертая дхьяна - состояние полного бесстрастия, лишённое как приятных, так и неприятных эмоций. !

4 Пять совершенных знаний - пять высших психических способностей, достигаемых совершенством в созерцании и сосредоточении мысли: сверхъестественная способность творить чудеса (см. прим. IV, 9); божественный слух, позволяющий слышать на любом расстоянии; видение на любом расстоянии, чудесное зрение; проникновение в мысли других людей; память о прошлых рождениях. Ниже Бодхисаттва использует одну из этих способностей - чудесное зрение.

5 Учение о беспричинности противоречило идее буддийского закона зависимого происхождения.

6 «...Все сотворено верховным существом...» - буддизм отрицал идею личного бога, творца и руководителя вселенной, и рассматривал мировой процесс как управляемый естественным законом зависимого происхождения.

7 Буддизм в своем понимании закона кармы выступает против такой абсолютизации причинно-следственной связи, полного детерминизма. Настоящее не определяется механически прошлым, а согласуется с ним, и для человека остается огромное поле для проявления своей энергии, для изменения своей кармы и преодоления ее.

8 «...О уничтожении всех вещей...».- По-видимому, здесь имеются в виду воззрения, близкие клокьяте (древнеиндийский материализм).

9 Т. е. с помощью богатства будет выполнять свои религиозные обязанности и накапливать добродетельные заслуги. Ср. в «Джатаке об олене руру» рассуждение человека о том, как он будет выполнять религиозный долг и достигнет спасения при помощи богатства, полученного за предательство.

10 "...Народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни" - Игра слов, основанная на значениях слова loka - "мир", "народ", "люди" и "миры" - этот и тот, " Мир после смерти".